

ние к фузии при объяснении причин именно данного сращения предполагаемых формантов конструктивно для понимания семантической эволюции аффиксальной морфемы. Несомненно, что это предполагает и большую хронологическую глубину реконструкции.

В свете актуальной задачи развития сравнительно-исторической тюркологии труд А. М. Щербака является значительным вкладом в ее осуществление. Работа предлагает, как кажется, одну из возможных моделей реконструкции общетюркского языкового состояния и несомненно будет стимулировать дальнейшие исследования в этой области.

Грунина Э. А.

1. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977.
2. Doerfer G. Der Imperativ im Chaldsch. — FUF, 1972, XXXIX, 3.
3. Ахундов А. А. Фе'ли заманлары. Баки, 1961, с. 73, 90.
4. Рустамов Р. Э. Азербайжан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Баки, 1965, с. 213.
5. Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. 138 с.

Лингвистика текста — одна из наиболее актуальных проблем современного языкознания. За последние годы появилось много как советских, так и зарубежных исследований по этой тематике, опубликованы статьи, сборники [1—3], защищены диссертации [4—6] — и все-таки в лингвистике текста остается много нерешенных вопросов.

Рецензируемая книга предлагает авторское решение некоторых из наиболее острых проблем теории текста: исследуются текст как целое, его отношение к языку и речи, его категории и единицы. Все положения книги доказываются на примерах, почерпнутых из разных языков (в основном, русского и английского); кроме того, рассматриваются тексты неодинаковой стилистической принадлежности — художественные (поэзия и проза), деловые и газетные. Анализируются тексты классических авторов и современных писателей (Шелли, Лермонтов, Диккенс, Л. Толстой, Воннегут, Чехов, Мердок, Шриттматтер и т. д.). Все сказанное свидетельствует о доказанности основных положений разнообразным материалом. Этим книга И. Р. Гальперина выгодно отличается от других работ по лингвистике текста, ограниченных по используемому материалу, а потому и по возможностям приложения теории [7—9].

И. Р. Гальперин рассматривает текст «как упорядоченную форму коммуникации, лишённую спонтанности» (с. 11). Тем самым текст, по его мнению, существует только в письменном варианте литературного языка (с. 15). Эта мысль (вероятно, не бесспорная) представляется весьма плодотворной, позволяющей отделить организацию письменную речь от спонтанной разговорной речи [10]. Однако всякая ли устная речь лишена организации? Думается, что публичная устная речь — речь ораторов (лекторов, адвокатов и т. д.) дает примеры организованной речи, т. е. текстов. В этих текстах, как показывают наблюдения, слабо выражена только одна текстовая категория — членность речи, ос-

тальные же категории, выделяемые И. Р. Гальпериным, присущи и монологическим устным текстам (но не разговорной речи).

Плодотворна мысль автора о том, что грамматические категории текста вызваны к жизни таким экстралингвистическим фактором, как отсутствие адресата, к которому обращена речь. Это, однако, заставляет усомниться в исключительной принадлежности текстовых категорий письменной речи. Отсутствие адресата характерно и для многих видов современной устной речи (выступления по радио, телевидению). С другой стороны, наличие адресата речи, но отсутствие с о б е с е д н и к а характерно для многих видов публичной речи (лекции, речи адвокатов и т. д.).

И. Р. Гальперин относит текст к системе не языка, а речи. Текст не воспроизводится, а всегда «представляет собой сознательно организованный результат речетворческого процесса» (с. 3). Однако влияние языка на текст им не отрицается. Выдвигаемые категории сам автор не считает единственно возможными и подчеркивает, что «опыт наблюдения над параметрами текста настоятельно выдвигает гипотезу о том, что текст является средоточием организованного, упорядоченного, запрограммированного и врывающегося случайного, незапрограммированного, возникающего в процессе его создания» (с. 4). Предложенные автором характеристики являются показателями организованности, упорядоченности текста. Не ясно, однако, отношение автора к случайному. Не является ли случайное в тексте отступлением от норм его организации, речевыми ошибками? Ответа на этот вопрос в книге И. Р. Гальперина мы не находим.

Большинство выделяемых И. Р. Гальпериным текстовых категорий бесспорно: завершенность (с особой ролью заголовка), членность, когезия. Некоторые категории кажутся более частными, несамостоятельными, характерными не для всех текстов, иногда для текстов только худо-

жественной речи. При рассмотрении синтеза когезии и непрерывности автор использует только примеры текстов художественной речи, но ни разу не определяет отношение соответствующего континуума к нехудожественным текстам. Автосемантия, проспекция и ретроспекция присущи не только художественным текстам (автор демонстрирует эти категории на примерах из текстов разной стилистической принадлежности). Однако не являются ли проспекция и ретроспекция более частными проявлениями когезии? К тому же они факультативны. Не лучше ли было бы выделить их не рядом с когезией, а внутри нее? Думается, что связана с когезией и автосемантия «кусков текста», т. е. таких отрезков, на которых не проявляется когезия (нулевая когезия).

Автор справедливо подчеркивает переплетение и взаимосвязанность, взаимообусловленность текстовых категорий. Это переплетение особенно ярко проявляется в категориях интеграции и завершенности, которые подобно проспекции и ретроспекции, рассмотрены в одной главе. Однако если проспекция и ретроспекция — разные формальные способы организации текста, которые могут использоваться в тексте один за другим, совместно или порознь (а могут и вовсе не использоваться), интеграция и завершенность — это обязательные свойства, без которых нет текста. И. Р. Гальперин рассматривает интеграцию как «неотъемлемую категорию текста» и в какой-то степени как функцию объема текста (чем больше текст, тем менее отчетливо наблюдается интеграция), а завершенность — как функцию замысла.

Книга И. Р. Гальперина — продолжение, углубление и систематизация ранее высказанных им положений, [11—13], но ни в коей мере не повторение их. Особенно это касается главы «Виды информации в тексте», никак не повторяющей книгу [11]. Глава эта очень важна в связи с предложенной автором концепцией текста. Уточняя свое понимание термина «информация», И. Р. Гальперин указывает, что категория информации относится только к тексту (отрезки текста, сверхфразовые единства и предложения имеют только смысл); однако автор допускает возможность и нулевой информации и в зависимости от «прагматического назначения» делит ее на содержательно-фактуальную (СФИ), содержательно-концептуальную (СКИ) и содержательно-подтекстовую (СПИ). Особенность художественных текстов И. Р. Гальперин видит в обязательности для них СКИ, в отличие от СФИ, не выражаемой вербально, а извлекаемой в результате творческого переосмысления представленных писателем событий, отношений, фактов. СКИ — это замысел автора плюс его содержательная интерпретация, допускающая разные толкования. По-новому, на убедительно проанализированных примерах раскрыта и сущность СПИ.

Не совсем ясно, почему СФИ, СКИ и СПИ — это разные «прагматические назначения», а не разные способы выражения информации. Думается, что раз-

личие в способах представлено автором отчетливее, чем различие в назначениях. Мало внимания автор уделил и формам информации (разобраны только сообщения и резолюции).

Рассматриваются в книге и единицы текста, но в основном реферативно (представлены авторы наиболее важных исследований текстовых единиц, упомянуты разные термины). Однако единицы текста рассмотрены не самостоятельно, а только в связи с категорией членности. Поскольку основная литература по тексту посвящена как раз выделению его единиц, такое отношение к проблеме единиц текста объяснимо, и, видимо, целесообразно. Новым является выделение текстовых категорий, их раскрытие и составляет основное содержание книги И. Р. Гальперина. В этом ее главное достоинство.

Самым уязвимым в концепции текста, предложенной И. Р. Гальпериним, является грамматичность текстовых категорий. Прежде всего вызывает сомнение использование термина «грамматический» по отношению к речевой системе. Во-вторых, если когезия как грамматическая категория не вызывает внутреннего сопротивления, то завершенность, информативность такое сопротивление вызывают. Сам автор определяет грамматическую категорию как «обобщенный класс форм, выражающий определенное грамматическое понятие», а грамматическое понятие — как «логико-философскую категорию, преломленную в языковом сознании и определившую предмет грамматики» (с. 15). Как эти определения соотносятся с категориями информативности и завершенности (да и интеграции)? Сам автор говорит о содержательных и формальных текстообразующих категориях (с. 3). Однако стоит ли содержательные категории называть грамматическими?

При чтении книги И. Р. Гальперина возникает много вопросов, не все принимается сразу, но это не недостаток, а достоинство книги: она заставляет по-новому взглянуть на текст, проясняет многие проблемы лингвистики текста, создает прочный фундамент для их решения.

Книга интересна и полезна не только тем, кто занимается лингвистикой текста. И. Р. Гальперин вносит значительный вклад и в разработку проблем функциональной стилистики (соотношение литературного языка и его функциональных стилей, язык художественной литературы как один из функциональных стилей) и особенно в стилистику художественной речи. Присущая И. Р. Гальперину способность блестящей научно-художественной интерпретации поэтических и прозаических текстов сказалась в этой книге особенно ярко, может быть, потому, что такой интерпретации подверглись очень разные произведения (разных авторов, жанров, стилей и даже языков).

В рецензируемой книге впервые дана стройная теория текста. Ее можно принимать или не принимать, с ней можно спорить, но она есть и мимо нее не должен пройти ни один исследователь текста. В этой теории найдено место тексту

в системе языка и речи, выявлены его содержательные и формальные категории, обеспечивающие единство текста, самое его существование, представлены единицы, на которые делится текст, намечены принципы классификации текстов. Книга И. Р. Гальперина — завершение целого этапа в развитии лингвистики текста — этапа поисков основных признаков текста, его единиц и категорий и одновременно — начало нового этапа — этапа углубленного исследования текстов разных типов.

Сиротинина О. Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М., 1978.
2. Синтаксис текста. М., 1979.
3. Структура текста. М., 1980.
4. Лосева Л. М. Межфразовая связь в текстах монологической речи: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Одесса, 1969.
5. Одинцов В. В. Стилистика текста: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1981.
6. Бурвикова (Зарубина) Н. Д. Закономерности линейной структуры монологического текста: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1981.
7. Лосева Л. М. Структурно-семантическая организация целых текстов. Одесса, 1973.
8. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). М., 1973.
9. Акишина А. А. Структура целого текста. Вып. 1—2. М., 1979.
10. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979, с. 207—216.
11. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974.
12. Гальперин И. Р. Грамматические категории текста. — ИАН СЛЯ, 1977, № 6.
13. Гальперин И. Р. Ретроспекция и перспекция в тексте. — ФН, 1980, № 5.
14. Гальперин И. Р. Интеграция и завершенность. — ИАН СЛЯ, 1980, № 6.